

БЕРНАРД

ШОУ

ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Бернард Шоу

Цезарь и Клеопатра (сборник)

«Издательство АСТ»

1901, 1907, 1930

УДК 821.111-2
ББК 84(4Вел)-6

Шоу Б.

Цезарь и Клеопатра (сборник) / Б. Шоу — «Издательство АСТ»,
1901, 1907, 1930 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112624-7

В сборник вошли три пьесы Бернарда Шоу, раскрывающие разные грани его драматургического таланта. «Цезарь и Клеопатра» – абсолютный шедевр его творческого наследия, беспощадная историческая сатира на вечные темы политики, войны и борьбы за власть. В 1945 г. режиссер Габриэль Паскаль снял по пьесе фильм, главные роли в котором исполнили Вивьен Ли и Клод Рейнс. «Другой остров Джона Булля» – образец драмы идей – посвящен проблеме отношений Англии и Ирландии, которую Шоу, будучи ирландцем, всегда принимал близко к сердцу. Премьера прошла с оглушительным успехом – спектакль даже посетил премьер-министр, а также было заказано специальное представление для короля Эдуарда VII. В жестокой сатирической притче «Тележка с яблоками», которая относится к так называемым «политическим экстраваганцам», Шоу смеется над бессмысленностью бюрократической машины и нелепостью интриг власть имущих.

УДК 821.111-2

ББК 84(4Вел)-6

ISBN 978-5-17-112624-7

© Шоу Б., 1901, 1907, 1930

© Издательство АСТ, 1901, 1907, 1930

Содержание

Цезарь и Клеопатра	6
Пролог	6
Вариант пролога	9
Действие первое	16
Действие второе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бернард Шоу Цезарь и Клеопатра

© George Bernard Shaw, 1907, 1913, 1928, 1930, 1931, 1941, 1944

© The Public Trustee as Executor of the Estate of George Bernard Shaw, 1957, 1958

© Перевод. М. Богословская, С. Бобров, наследники, 2018 Школа перевода В. Баканова,
2019

© Перевод. О. Холмская, наследники, 2018 © Издание на русском языке AST Publishers,
2019

* * *

Цезарь и Клеопатра

Пролог

Врата храма бога Ра в Мемфисе. Глубокий сумрак. Величественное существо с головой сокола, излучающее таинственный свет, выступает из мрака в глубине храма. Бог с величайшим презрением окидывает взором современную аудиторию и после некоторой паузы обращается к ней со следующими словами:

– Молчание! Умолкните и слушайте меня вы, чопорные маленькие островитяне! Внемлите мне вы, мужчины, что носите на груди своей белый папирус, на котором не начертано ничего (дабы изобличить младенческую невинность мозгов ваших). Слушайте меня вы, женщины, облакающиеся в соблазнительные одежды, вы, скрывающие мысли свои от мужчин, дабы они верили, что вы считаете их сильными и могущественными повелителями, тогда как на самом деле в сердце своем вы знаете, что они неразумные дети. Смотрите на мою соколиную голову, смотрите и знайте: я – Ра, который некогда был могущественным богом в Египте. Вы не можете пасть передо мною на колени, распростершись ниц, ибо вы стиснуты в тесные ряды и лишены свободы движения и не видите дальше спины сидящего впереди вас; а к тому же ни один из вас не осмелится признать сие достойным и подобающим, пока не увидит, что и все остальные делают то же, – откуда и происходит, что в решительные минуты вы пребываете в бездействии, хотя каждый из вас говорит своему ближнему, что необходимо что-то сделать. Я не требую от вас преклонения, я требую лишь тишины. Пусть мужчины ваши не говорят, а женщины пусть не кашляют, ибо я желаю перенести вас далеко в глубь времен, за две тысячи лет, за могилы шестидесяти поколений. Вы, жалкие последыши, не мните себя первыми. Другие глупцы видели до вас, как солнце всходило и закатывалось, а месяц менял лицо свое и час свой. Чем были они, тем вы стали ныне, но далеко вам до их величия; пирамиды, воздвигнутые моим народом, стоят и по сей день, а эти кучи праха, что вы зовете империями, где в рабстве влачите вы дни свои, рассыпаются по ветру, хотя вы и заваливаете их телами сынов ваших, дабы скопилось побольше праха.

Внемлите же мне, о вы, принудительно обученные! Узнайте, что, подобно тому, как ныне у вас существует старая Англия и новая Англия и вы растерянно топчетесь между той и другой, так некогда, в те дни, когда люди поклонялись мне, существовал старый Рим и новый Рим, и между этими двумя Римами растерянно топтались люди. И старый Рим был мал и беден, свиреп и алчен и страдал многими пороками; но так как ум его был мал, а труд его был прост, он жил своим умом, и труд его спорился. И боги снисходили к нему, и помогали ему, и поддерживали его, и охраняли его; ибо боги проявляют терпение к малым. И вот старый Рим, словно нищий, очутившийся на коне, понадеялся на милость богов и сказал: «Увы мне! Нет ни величия, ни богатства в малости моей. Кто хочет идти путем богатых и великих, тот должен грабить бедных и убивать слабых!» И стали римляне грабить бедняков и овладели в совершенстве этим искусством, и были у них законы, в силу которых деяния их считались пристойными и честными. А когда выжали бедняков своих досуха, они стали грабить бедняков других стран и присоединили эти страны к Риму и создали новый Рим, богатый и необъятный. А я, Ра, смеялся над этим, ибо мозги римлян остались все такими же, между тем как владычество их распространилось по всей земле.

Так слушайте же меня, дабы понять то, что вы сейчас увидите. В те дни, когда римляне все еще топтались между старым и новым Римом, среди них явился могущественный воин,

великий Помпей. Но путь война есть путь смерти, а путь богов – путь жизни; и поэтому бог к концу пути своего являет мудрость свою, а воин в конце пути своего оказывается глупцом. И вот Помпей стоял за старый Рим, где только воины могли достигнуть величия; но боги обернулись к новому Риму, в котором каждый человек, обладавший умом, мог сделаться тем, чем он хотел. И друг Помпея, Юлий Цезарь, был на той же стороне, что и боги: он видел, что Рим перерос владык своих – старых маленьких римлян. И Цезарь этот был великий красноречивый и политик: он покупал людей словами и золотом, подобно тому, как ныне покупают вас. А когда они перестали довольствоваться словами и золотом и потребовали побед и военной славы, Цезарь, уже не в юных годах, обратился к этому ремеслу; и те, что восставали против него, когда он заботился о благоденствии их, склонились перед ним, когда он стал убийцей и завоевателем. Ибо такова природа ваша, смертные. Что же до Помпея – он надоел своими успехами и тем, что он сам себя возомнил богом; ибо он толковал о законе, и долге, и о прочих вещах, которых не может касаться жалкая человеческая тварь. И боги улыбнулись Цезарю, ибо он смело жил жизнью, которую они даровали ему, и не хулил нас постоянно за то, что мы, создавая живое, не ведаем стыда, и не прятал деяний наших от людей, как если бы это было нечто постыдное. Вы хорошо знаете, о чем я говорю, ибо это один из ваших собственных грехов.

И так случилось между старым и новым Римом, что Цезарь сказал: «До тех пор пока я не нарушу закон старого Рима, мне не удастся получить свою долю во владычестве над ним, и дар владычествовать, дар, который мне дали боги, погибнет и не принесет плода». Но Помпей сказал: «Закон выше всего, и если ты нарушишь его, ты должен погибнуть». И сказал Цезарь: «Вот я нарушу его, и пусть тот, кто осмелится, убьет меня». И он нарушил закон Рима. И Помпей пошел на него, как сказали бы вы, с великой армией, дабы уничтожить его и утвердить старый Рим. И Цезарь бежал через волны Адриатического моря, ибо великие боги хотели дать ему урок, тот же урок, что в свое время получите и вы, если вы так же будете забывать их и поклоняться этому прохождению среди богов – Маммону. И поэтому, прежде чем вознести Цезаря и сделать его владыкой мира, они захотели бросить его в прах к ногам Помпея и очернить лицо его перед всеми народами. Помпея же они возвеличили и вознесли выше прежнего – и законы его, и его высокомерный ум, который, словно обезьяна, пытался подражать богам. И сделали они это затем, дабы страшнее было его падение. И Помпей отправился в погоню за Цезарем, и раздавил его всем величием старого Рима, и стал над ним и надо всем миром, подобно тому как вы стоите ныне с вашим флотом, что покрывает воды морские на тридцать миль. И когда Цезарь был низринут и повержен в прах, он поднялся в последний раз, дабы умереть с честью, и не отчаялся, а сказал: «Вот они против меня – и Помпей, и старый Рим, и закон, и легионы – все, все против меня; но высоко надо всем этим – боги; а Помпей – глупец». И боги засмеялись и похвалили его. И на полях Фарсалы совершилось невозможное: кровь и железо, на которых держится ваша вера, пали перед духом человека, ибо дух человека – это воля богов. И могущество Помпея рассыпалось в руке его, подобно тому как рассыпалось могущество державной Испании, когда она обратилась против ваших предков в те дни, когда Англия была мала, и жила своим умом, и полагалась на свой ум, а не на то, что она распространяет в газетах. И потому остерегайтесь, дабы какой-нибудь маленький народ, который вы обратили в рабство, не поднялся и не обратился в руках богов в бич, что обрушится на ваше хвостовство и вашу несправедливость, на ваши пороки и вашу глупость.

Так хотите ли вы теперь узнать о конце Помпея или вы будете спать, когда говорит бог? Внемлите словам моим, ибо Помпей отправился туда, куда и вы пошли ныне, – в Египет, где стояла римская армия, подобно тому как ныне там стоит британская армия. И Цезарь погнался за Помпеем в Египет; римлянин бежал, и римлянин гнался за беглецом: пес, пожирающий пса. И египтяне говорили: «Глядите, вот римляне, которые давали золото царям нашим и собирали с нас дань силой оружия своего, не они ли призывали нас быть верными им и предавать нашу родную страну. И вот теперь перед нами два Рима – Рим Помпея и Рим Цезаря. Которому же

из них ныне должны мы хранить верность?» И в смущении своем они обратились к воину, который некогда служил Помпею, и знал пути Рима, и обладал всеми его пороками. И сказали ему: «Гляди, в твоей стране пес пожирает пса, и оба пса пришли к нам, дабы пожрать нас. Что ты можешь посоветовать нам?» И воин этот, которому было имя Луций Септимий и которого вы ныне увидите перед собой, ответил: «Вам надлежит тщательно взвесить, который из двух псов сильнее, и затем убить слабейшего в угоду сильному и тем завоевать его милость». И египтяне сказали: «Ты дал дельный совет, но если мы убьем человека, мы преступим закон и поставим себя наравне с богами, а этого мы не смеем делать. Но ты – римлянин: тебе привычно убийство, ибо у тебя страсть господствовать. Не возьмешься ли ты вместо нас убить того пса, который послабее?» И Луций ответил: «Да будет так, ибо я сделал Египет отчизной своей и желаю, чтобы вы почитали и слушали меня». И египтяне сказали: «Мы так и думали, что ты не станешь делать этого безо всякой мзды; ты получишь свою награду». И вот Помпей прибыл в Египет и пристал к берегам его один, на маленькой галере, положившись на его закон и обычай. И народ Египта увидел, что Помпей поистине слабый и ничтожный пес; и едва он успел ступить на берег, как его встретил его старый соратник Луций Септимий, который одной рукой приветствовал его, а другой отсек ему голову; и сохранил эту голову, как кочан капусты, дабы поднести ее в дар Цезарю. И род людской содрогнулся. А боги засмеялись: ибо Септимий был всего лишь мечом, отточенным рукой Помпея. И когда меч этот обратился против его собственного горла, боги сказали, что Помпею лучше было бы сделать Септимия хлебопашцем, а не столь доблестным и скорым на руку убийцей. И поэтому я снова говорю вам: остерегайтесь вы, которые все желали бы стать Помпеями, если бы осмелились; ибо война – это волк, и он может прийти и к вашей двери.

Вам, кажется, наскучила речь бога? Вас снедает нечистое желание послушать о жизни порочной женщины? Или имя Клеопатры пробудило в вас это любопытство? О, вы глупцы! Клеопатра всего лишь дитя, которое нянька наказывает розгой. И я, заботясь о благе ваших душ, хочу показать вам, как Цезарь, который пришел в Египет искать Помпея, нашел Клеопатру; и как принял он в дар этот кочан капусты, что некогда был головой Помпея; и что произошло между старым Цезарем и царицей-ребенком, пока он не покинул Египта и не проложил себе победный путь в Рим, затем чтобы быть убитым, подобно Помпею, людьми, в которых еще уцелел дух Помпея. Все это вы увидите и в невежестве своем будете удивляться тому, что за двадцать веков до ваших дней люди были такие же, как вы, жили и говорили, как вы, – не хуже и не лучше, не умнее и не глупее. И эти две тысячи лет, что минули с тех пор, – для меня, бога Ра, всего лишь мгновение; и то, что вы зовете сегодняшним днем, ничем не отличается от того дня, когда Цезарь впервые ступил на землю моего народа. А теперь я покину вас, ибо вы тупое племя и поучать вас – напрасная трата слов; и я бы не стал расточать их, не будь я богом, а природа богов такова, что они вечно борются с прахом и тьмой и своей неизбывной жаждой божественного вечно стремятся высечь из праха и тьмы новые и новые искры жизни и света. Итак, сидите спокойно на ваших сиденьях и молчите, ибо вы услышите сейчас речь человека, и, по вашему разумению, это был великий человек. И не бойтесь, я больше не заговорю с вами; да откроют вам истинный ход истории те, кто жил в ней. Прощайте и не вздумайте рукоплескать мне!

Храм исчезает в глубоком мраке.

Вариант пролога

Октябрьская ночь на сирийской границе Египта в конце царствования XXXIII династии, 706-й год по римскому летоисчислению, 48-й до Рождества Христова – по более позднему, христианскому исчислению. Яркий серебряный свет; заря лунной ночи полыхает на востоке. Звезды и безоблачное небо – наши современники, разве лишь на девятнадцать с половиной веков моложе, чем те, которые мы знаем. Но по их виду этого сказать нельзя. Внизу под ними – два весьма сомнительных завоевания цивилизации: дворец и солдаты. Дворец – старая низкая сирийская постройка из беленого ила – значительно менее уродлив, чем Букингемский дворец; и офицеры во дворце много культурнее, чем современные английские офицеры: так, например, они не имеют обыкновения выкапывать тела мертвых врагов и четвертовать их, как мы поступили с Кромвелем и Махди. Они разбились на две группы: одна с напряженным вниманием следит за игрой своего начальника Бельзенора, воина лет пятидесяти; он положил копье на землю около колена и, наклонившись, мечет кости, играя с молодым, лукавого вида, персидским наемником. Другая группа собралась вокруг одного из офицеров стражи, который только что рассказал непристойный анекдот (до сих пор пользующийся большим успехом в английских казармах), встреченный громовым хохотом. Всего их человек двенадцать; это молодые офицеры египетской гвардии, юноши из высокой аристократии. Они в красивой одежде, с оружием и в доспехах, при этом, в отличие от англичан, они не стыдятся своей профессиональной одежды и не тяготеют ею – наоборот, они явно и высокомерно воинственны и гордятся своей принадлежностью к военной касте.

Бельзенор – типичный ветеран, суровый и крутой: находчивый, усердный и исполнительный в тех случаях, когда требуется грубая сила; беспомощный и ребячливый, когда она не требуется; прекрасный сержант, неспособный генерал, никуда не годный диктатор. В современном европейском государстве, будь у него хорошие связи, несомненно, подвизался бы на двух этих последних поприщах в силу своих заслуг на первом. Ныне, принимая во внимание, что Юлий Цезарь идет войной на его страну, он заслуживает сожаления. Не зная об этом, он весь поглощен игрой с персом, которого он, как чужеземца, считает способным и сплутовать.

Его подчиненные – по большей части красивые юноши; их интерес к игре и к непристойному анекдоту довольно полно характеризует основной круг интересов, которыми они живут. Их копья стоят у стены или лежат на земле, готовые служить им в любую минуту. Угол двора образует треугольник; одна сторона его – это фасад дворца с его главным входом, другая – стена с воротами. Группа, слушающая рассказчика, находится около дворца, игроки – ближе к воротам. Рядом с воротами, у стены, большой камень, с которого нубиец-часовой может оглядывать окрестность. Двор освещен факелом, воткнутым в стену. Когда хохот воинов, окружающих рассказчика, смолкает, перс, стоящий на коленях и выигравший этот кон, хватает ставку с земли.

Бельзенор. Аписом клянусь, перс, твои боги благоволят тебе.

Перс. Попробуем еще, о начальник. Отыграешься или проиграешь вдвое.

Бельзенор. Нет. Довольно. Мне сегодня не везет.

Часовой (*выглянув наружу, берет наперевес свое копьё*). Стой. Кто идет?

Все настораживаются. Незнакомый голос отвечает из-за стены.

Гонец. Гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*кричит часовому*). Пропустить!

Часовой (*опуская копьё*). Приблизься, гонец с дурными вестями.

Бельзенор (*пряча в карман кости и поднимая с земли копьё*). Принять с почестями этого человека. Он несет дурные вести.

Воины хватают свои копьё и строятся около ворот, оставляя проход для пришельца.

Перс (*поднимаясь с колен*). Разве дурным вестям подобают почести?

Бельзенор. Слушай меня, о невежественный перс, и учись. В Египте гонца с добрыми вестями приносят в жертву богам – как благодарственный дар; но ни один бог не примет крови посланца зла. Когда мы посылаем хорошую весть, мы вкладываем ее в уста самого негодного раба. Дурные вести несет благородный юноша, который желает отличиться.

Они присоединяются к тем, что стоят у ворот.

Часовой. Иди, о юный воин, и склони голову в доме царицы.

Голос. А ты намажь свое копьё свиным салом, о чернокожий. Ибо еще не вспыхнет утро, как римлянин заставит тебя проглотить его по самую рукоять.

Вестник – светловолосый щеголь, одетый иначе, чем дворцовая стража, но не менее вычурно, – смеясь, входит в ворота. На нем явственные признаки кровавой битвы: левая рука, на перевязи, выглядывает из разорванного рукава, в правой руке он держит римский меч в ножнах. Он важно шествует по двору. Перс справа от него, Бельзенор слева, стража толпится сзади.

Бельзенор. Кто ты, осмеливающийся смеяться в доме царицы Клеопатры и пред лицом Бельзенора, начальника ее стражи?

Пришелец. Я Бел-Африс, потомок богов.

Бельзенор (*торжественно*). Привет, родич!

Все (*кроме перса*). Привет, родич!

Перс. Вся стража царицы – потомки богов, кроме меня, о чужеземец. Я перс, потомок многих царей.

Бел-Африс (*страже*). Привет, родичи! (*Персу, снисходительно.*) Привет, смертный!

Бельзенор. Ты с поля битвы, Бел-Африс! Ты, воин, здесь среди воинов. Ты не допустишь, чтобы женщины царицы первыми услышали твои вести.

Бел-Африс. У меня нет иных вестей, кроме того, что всем здесь, женщинам и воинам, скоро перережут глотки.

Перс (*Бельзенору*). Говорил я тебе?

Часовой (*он слушал их*). Горе нам, горе!

Бел-Африс (*часовому*). Успокойся, бедный эфиоп. Судьба в руках богов, которые сделали тебя черным. (*Бельзенору.*) Что тебе говорил этот смертный? (*Показывает на перса.*)

Бельзенор. Он говорил, что римлянин Юлий Цезарь, который высадился с кучкой своих приверженцев у наших берегов, станет владыкой Египта. Он боится римских солдат!

Стража презрительно хохочет.

Бояться этого мужичья, что умеет только пугать ворон да тащиться за плугом! Этих сыновей кузнецов, медников и кожемяк! Нам, благородным потомкам богов, посвятившим себя оружию!

Перс. Бельзенор! Боги не всегда благосклонны к своим бедным родичам.

Бельзенор (*запальчиво, персу*). А что же, мы один на один не справимся с рабами Цезаря?

Бел-Африс (*становится между ними*). Послушай, родич. В бою один на один египтяне – боги в сравнении с римлянами.

Стража (*торжествующе*). Ага!

Бел-Африс. Но этот Цезарь не знает боя один на один, он бросает легион туда, где мы всего слабее, как бросают камень из катапульты. И этот легион подобен человеку с одной головой и тысячей рук, и он не знает бога. Я сражался с ним, и я знаю.

Бельзенор (*насмешливо*). Они испугали тебя, родич?

Стража гогочет, радуясь находчивости своего начальника.

Бел-Африс. Нет, родич. Но они меня сразили. Возможно, они испугались, но они раскидали нас, как солому.

Стража угрюмо ворчит, выражая свое презрение и гнев.

Бельзенор. А разве ты не мог умереть?

Бел-Африс. Нет, это было бы слишком легко, чтобы быть достойным потомка богов. Да к тому же я и не успел. Все кончилось в одно мгновение. Они напали на нас там, где мы их меньше всего ждали.

Бельзенор. Это значит, что римляне трусы.

Бел-Африс. Им все равно, трусы они или нет, римлянам: они бьются, чтобы победить. Гордость и честь войны неведомы им.

Перс. Расскажи нам о битве. Как было дело?

Стража (*нетерпеливо обступая Бел-Афрису*). Да, да, расскажи нам о битве.

Бел-Африс. Так вот узнайте: я недавно посвящен в стражу мемфисского храма Ра, я не служу ни Клеопатре, ни брату ее Птолемею, я служу великим богам. Мы двинулись в путь, чтобы узнать, зачем Птолемей прогнал Клеопатру в Сирию и как нам, египтянам, поступить с римлянином Помпеем, который только что прибыл в наши земли, после того как Цезарь разбил его под Фарсалой. И что же узнали мы? А то, что Цезарь уже идет сюда по пятам своего врага, а Птолемей убил Помпея и отрубил ему голову, дабы преподнести ее в дар победителю.

Стража потрясена.

И еще мы узнали, что Цезарь уже здесь, ибо не прошли мы и полдня обратного пути, как увидели городскую чернь, бегущую от его легионов, которым она не могла помешать высадиться на берег.

Бельзенор. А вы, стража храма, вы не бросились в битву с легионами?

Бел-Африс. Мы сделали все, что может сделать человек. Но раздался рев трубы, и голос ее был как проклятие Черной Горы. Потом увидели мы стену из щитов, надвигавшуюся на нас. Всякий из вас знает, как замирает сердце, когда идешь приступом на укрепленную стену. Каково же, если сама стена ринется на вас?

Перс (*захлебываясь, ибо он уже говорил это*). Разве я тебе не говорил?

Бел-Африс. Когда стена приблизилась, она превратилась в строй солдат – простых, грубых людей в шлемах, в кожаных одеждах и с нагрудниками. И каждый из них метнул копье; и то, которое летело на меня, пронзило мой щит, словно папирус. Смотрите. (*Показывает на перевязанную левую руку.*) Оно бы пробilo мне голову, но я нагнулся. И тут же они ринулись, сдвоив ряды, и их короткие мечи обрушились на нас вслед за копьями. Против таких мечей в рукопашном бою наше оружие бесполезно: оно слишком длинно.

Перс. Что же ты сделал?

Бел-Африс. Сжал кулак и что есть силы ударил римлянина в зубы. И оказалось, римлянин мой – простой смертный: он свалился оглушенный. Я проткнул его его же мечом. (*Вытаскивает меч.*) Вот – римский меч и кровь римлянина на нем.

Стража (*одобрительно*). Хорошо! (*Берут у него меч и передают из рук в руки, разглядывая его с любопытством.*)

Перс. А твои люди?

Бел-Африс. Обратились в бегство. Рассыпались, как овцы.

Бельзенор (*в ярости*). Трусливые рабы! Оставить потомков богов на растерзание!

Бел-Африс (*с ядовитым спокойствием*). Потомки богов не остались на растерзание, родич. Поле боя досталось не сильным, но в беге одолел скорый. У римлян нет колесниц, но они послали тучи всадников в погоню, и те перебили множество. Тогда полководец нашего верховного жреца призвал двенадцать потомков богов и заклинал нас погибнуть в бою. Я подумал: лучше стоять, нежели задыхаться в беге и погибнуть от удара в спину. Я остался на месте с военачальником. Римляне оказали нам уважение; ибо никто не нападает на льва, когда поле полно овец, – если он не знает, что такое честь и гордость войны; а римляне не знают этого. Так мы спаслись. И я пришел сказать вам, чтобы вы открыли ворота Цезарю: ибо не пройдет и часа, как подойдут его передовые отряды. Между вами и его легионами нет ни одного египетского воина.

Часовой. О горе! (*Бросает свое копье и бежит во дворец.*)

Бельзенор. Пригвоздить его к двери! Живо!

Стража гонится за часовым, потрясая копьями, но он ускользает от них.

Теперь твоя весть побежит по дворцу, как огонь по жнивью.

Бел-Африс. Что же нам сделать, дабы спасти женщин от римлян?

Бельзенор. А почему бы не убить их?

Перс. Потому что за кровь некоторых из них пришлось бы заплатить головой. Пусть лучше их убьют римляне. Это дешевле.

Бельзенор (*в благоговении перед его сообразительностью*). О хитроумный! О змий!

Бел-Африс. А ваша царица?

Бельзенор. Да. Мы должны увезти Клеопатру.

Бел-Африс. А разве вы не собираетесь подождать ее приказаний?

Бельзенор. Приказаний? Девчонки шестнадцати лет! Нет, у нас этого не водится. Это вы в Мемфисе считаете ее царицей; а мы-то здесь знаем. Я посажу ее на круп моего коня. Когда мы, воины, спасем ее от рук Цезаря, пусть жрецы и няньки опять выставляют ее царицей и нашептывают ей, что она должна приказать.

Перс. Выслушай меня, Бельзенор.

Бельзенор. Говори, о мудрый не по летам.

Перс. Птолемей, брат Клеопатры, враждует с ней. Продадим ему Клеопатру.

Стража. О хитроумный! О змий!

Бельзенор. Мы не смеем. Мы потомки богов, но Клеопатра – дочь Нила. И земля отцов наших не будет давать зерна, если Нил не поднимет свои воды и не напитает ее. Без даров отца нашего мы станем нищими.

Перс. Это правда. Стража царицы не может жить на то, что ей дает царица. Но выслушайте меня, о вы, родичи Осириса.

Стража. Говори, о хитроумный! Внемлите детищу змия!

Перс. Разве не правда то, что я говорил вам о Цезаре, когда вы думали, что я насмехаюсь над вами?

Стража. Правда, правда!

Бельзенор (*неохотно соглашаясь*). Так говорит Бел-Африс.

Перс. Так узнайте другое. Этот Цезарь – он очень любит женщин; они становятся ему друзьями и советчицами.

Бельзенор. Фу! Владычество женщин приведет к гибели Египет.

Перс. Пусть оно приведет к гибели Рим. Цезарь уже в преклонных летах. Ему больше пятидесяти лет, он утомлен битвами и трудом. Он стар для юных жен, а пожилые слишком мудры, чтобы благоволить к нему.

Бел-Африс. Берегись, перс! Цезарь близко, как бы он не услышал тебя.

Перс. Клеопатра еще не женщина, и мудрости нет у нее. Но она уже смущает разум мужчин.

Бельзенор. Верно! Это потому, что она дочь Нила и черной кошки от священного Белого Кота. Ну и что же?

Перс. Продадим ее тайно Птолемею, а сами пойдем к Цезарю и предложим ему пойти войной на Птолемея, чтобы спасти нашу царицу, прапраправнучку Нила.

Стража. О змий!

Перс. И он послушает нас, если мы придем и распишем ему, какова она. Он победит и убьет ее брата. И Клеопатра будет его царицей. А мы будем ее стражей.

Стража. О коварнейший из змиев! О мудрость! О чудо из чудес!

Бел-Африс. Он явится сюда, пока ты здесь разглагольствуешь, о длинноязыкий.

Бельзенор. Это правда.

Испуганные вопли во дворце прерывают его.

Скорей! Они уже бегут! К дверям!

Стража бросается к двери и загораживает ее копьями. Толпа служанок и нянек показывается в дверях. Те, что впереди, пятаются от копий и вопят задним, чтобы они не напирали. Голос Бельзенора покрывает их вопли.

Назад! На место! Назад, негодные коровы!

Стража. Назад, негодные коровы!

Бельзенор. Пошлите сюда Фтататиту, главную нянюку царицы!

Женщины (*кричат во дворце*). Фтататита, Фтататита! Иди сюда скорей. Говори с Бельзенором!

Одна из женщин. Да подайтесь же вы назад! Вы толкаете меня на копыя!

На пороге появляется рослая мрачная женщина. Лицо ее покрыто сетью тонких морщин; большие старые, умные глаза. Она мускулистая, высокая, очень сильная; у нее рот ишейки и челюсти бульдога; одета как важная особа при дворе, говорит со стражей высокомерно.

Фтататита. Дайте дорогу главной няне царицы.

Бельзенор (*с величавой надменностью*). Фтататита, я Бельзенор, начальник царской стражи, потомок богов.

Фтататита (*вдвойне высокомерно*). Бельзенор, я Фтататита, главная няня царицы, а твои божественные предки гордились тем, что изображения их живут на стенах пирамид великих царей, которым служили мои предки.

Женщины злорадно смеются.

Бельзенор (*со злобной насмешкой*). Фтататита, дочь длинноязыкого и оковращающего хамелеона, римляне на пороге!

Вопль ужаса среди женщин; если бы не копыя, они тут же бросились бы бежать.

Никто, даже потомки богов, не может преградить им путь, ибо у каждого из них семь рук и семь копий в каждой. Кровь в их жилах – как кипящая ртуть. Жены их становятся матерями через три часа, а назавтра их убивают и едят.

Женщины содрогаются в ужасе. Фтататита, преисполненная презрения к ним, пренебрежительно смотрит на солдат, она прокладывает себе дорогу сквозь толпу и идет, не смущаясь, прямо на копья.

Фтататита. Тогда бегите и спасайтесь, о жалкие трусы, потомки грошовых глиняных божков, которых покупают рыбные торговки. Оставьте нас, мы сами позаботимся о себе.

Бельзенор. Но прежде исполни повеление наше, о ужас рода человеческого! Приведи к нам Клеопатру-царицу. А потом иди куда хочешь.

Фтататита (*с насмешливой улыбкой*). Теперь я знаю, почему боги взяли ее из наших рук.

Воины в смятении переглядываются.

Узнай же, глупый солдат, что ее нет с той поры, как закатилось солнце.

Бельзенор (*в ярости*). Ведьма, ты спрятала ее, чтобы продать Цезарю или брату ее, Птолемею. (*Хватает Фтататиту за руку и с помощью стражи тащит ее на середину двора, бросает на колени и заносит над ней смертоносный нож.*) Где она? Где она? Говори, или... (*Грозит перерезать ей горло.*)

Фтататита (*свирепо*). Тронь меня, собака! И Нил перестанет питать поля твои и в течение семижды семи лет обречет тебя на голод.

Бельзенор (*испуганно, но решившись на все*). Я принесу жертвы. Я откуплюсь. Нет, постой! (*Персу.*) Ты, о премудрый, земля твоих отцов лежит далеко от Нила, убей ее.

Перс (*угрожая ей ножом*). У персов один бог, и он любит кровь старых женщин. Где Клеопатра?

Фтататита. Перс! Клянусь Осирисом, я не знаю. Я бранила ее за то, что она навлечет на нас дурные дни своей болтовней со священными кошками; она вечно таскает их на руках. Я грозила ей, что оставлю ее одну, когда придут римляне, в наказание за ее непослушный нрав. И она исчезла, убежала, спряталась. Я говорю правду. Да будет Осирис мне свидетелем...

Женщины (*угодливо подхватывают*). Истинная правда, Бельзенор!

Бельзенор. Ты запугала девчонку. Она спряталась. Живо обыскать дворец! Обшарить все углы!

Стража во главе с Бельзенором прокладывает себе путь во дворец сквозь толпу женщин, которые не помня себя бросаются в ворота.

Фтататита (*вопит*). Святотатство! Мужчины в покоях царицы! Свято... (*Голос ее обрывается, перс подносит нож к ее горлу.*)

Бел-Африс (*кладет руку на плечо Фтататиты*). Подари ей еще минуту, перс. (*Фтататите, весьма внушительно.*) Мать, твои боги спят или развлекаются охотой. И меч у горла твоего. Отведи нас туда, где спряталась царица, и ты будешь жить.

Фтататита (*презрительно*). Кто остановит меч в руке глупца, если боги вложили меч в его руку? Послушайте меня вы, безумные юноши. Клеопатра боится меня, но римлян она боится еще больше. Есть только одна сила, которая для нее страшнее гнева царской няньки или жестокости Цезаря, – это Сфинкс, который сидит в пустыне и сторожит путь к морю. Она шепчет на ухо священным кошкам то, что ей хочется сказать ему. И в день своего рождения она приносит ему жертвы и украшает его маками. Так идите же в пустыню и ищите Клеопатру под сенью Сфинкса. Берегите ее больше жизни своей, дабы с ней не случилось худа.

Бел-Африс (*персу*). Можно ли верить этому, о хитроумный?

Перс. Откуда идут римляне?

Бел-Африс. Через пустыню от моря, мимо Сфинкса.

Перс (*Фтататите*). О мать вероломства, о язык ехидны! Ты придумала эту сказку, чтобы мы пошли в пустыню и погибли на римских копьях. (*Заносит нож.*) Вкуси же смерть!

Фтататита. Не от тебя, щенок! (*Ударяет его с силой под коленку, а сама бросается бежать вдоль дворцовой стены и исчезает в темноте.*)

Бел-Африс хохочет над упавшим персом. Стража выбегает из дворца с Бельзенором и кучкой беглянок, большинство тащит узлы.

Перс. Нашли вы Клеопатру?

Бельзенор. Она исчезла. Мы обыскали все закоулки.

Нубиец-часовой (*появляясь в дверях дворца*). Горе нам! Увы! Горе нам! Спасайтесь!

Бельзенор. Что еще там случилось?

Нубиец. Украли священного Белого Кота.

Все. Горе нам, горе!

Всеобщая паника. Все бегут с воплями ужаса. В суматохе падает и гаснет факел. Топот и крики беглецов замирают вдалеке. Тьма и мертвая тишина.

Действие первое

Та же мгла, которая поглотила храм Ра и сирийский дворец. Та же мертвая тишина. Настороженное ожидание. Но вот черная неподвижная мгла подергивается мягкой серебряной дымкой. Слышится странная мелодия: это колеблемая ветром арфа Мемнона поет перед восходом луны. Громадная полная луна встает над пустыней, озаряя широкий горизонт, на фоне которого смутно выступает огромная фигура; в расстилающемся лунном свете она постепенно принимает очертания Сфинкса, покоящегося среди песков. Свет становится все ярче, и теперь уже ясно видны открытые глаза истукана – они устремлены прямо вперед и вверх в бесконечном, бесстрашном бодрствовании; между его громадными лапами виднеется яркое пятно – груда красных маков, на которой неподвижно лежит девочка. Ее шелковая одежда тихо и мерно поднимается на груди от дыхания – спокойного дыхания спящей; заплетенные волосы сверкают в лунном блеске, подобно крылу птицы.

Внезапно издали раздается смутный чудовищный гул – может быть, это рев Минотавра, смягченный далеким расстоянием, – и арфа Мемнона смолкает. Тишина, затем несколько далеких пронзительных звуков трубы. Снова тишина. Потом с южной стороны, крадучись, появляется человек. Восхищенный и изумленный этой загадкой ночи, он останавливается и замирает, погруженный в созерцание; но грудь Сфинкса с ее сокровищем скрыта от него огромным плечом истукана.

Человек. Слава тебе, Сфинкс! Юлий Цезарь приветствует тебя! Изгнанный рождением на землю, я скитался по многим странам в поисках утраченного мира, в поисках существ, подобных мне. Я видал стада и пастбища, людей и города, но я не встретил другого Цезаря, ни стихии, родственной мне, ни человека, близкого мне по духу, никого, кто бы мог совершить дела моих дней и разрешить думы моей ночи. В этом маленьком подлунном мире, о Сфинкс, я вознесен столь же высоко, как и ты в этой безбрежной пустыне; но я скитаюсь, а ты сидишь неподвижен; я завоевываю, а ты живешь в веках; я тружусь и изумляюсь, ты бодрствуешь и ждешь; я смотрю вверх – и я ослеплен, смотрю вниз – и омрачаюсь, оглядываюсь кругом – и недоумеваю, тогда как твой взор всегда, неизменно устремлен прямо, по ту сторону мира, к далеким краям утраченной нами отчизны. Сфинкс, ты и я – мы чужды породе людей, но не чужды друг другу: разве не о тебе, не о твоей пустыне помнил я с тех пор, как появился на свет? Рим – это мечта безумца; а здесь – моя действительность. В далеких краях, в Галлии, в Британии, в Испании, в Фессалии, видел я звездные твои костры, подающие знаки о великих тайнах бессменному часовому здесь, внизу, которого я нигде не мог найти. И вот он наконец здесь, этот часовой – образ неизменного и бессмертного в бытии моем, – безмолвный, полный дум, одинокий в серебряной пустыне. Сфинкс, Сфинкс! Я поднимался ночью на вершины гор, прислушиваясь издали к вкрадчивому бегу ветров – наших незримых детей, о Сфинкс, взметающих в запретной игре твои пески, лепечущих и смеющихся. Мой путь сюда – это путь рока, ибо я тот, чей гений ты воплощаешь: полузверь, полуженщина, полубог, и нет во мне ничего человеческого. Разгадал ли я твою загадку, Сфинкс?

Девочка (*проснувшись, осторожно выглядывает из своего убежища*). Старичок!

Цезарь (*сильно вздрагивает и хватается за меч*). Бессмертные боги!

Девочка. Старичок, не уходи отсюда.

Цезарь (*совершенно ошеломленный*). «Старичок, не уходи отсюда...» И это – Юлию Цезарю!

Девочка (*настойчиво*). Старичок!

Цезарь. Сфинкс, ты забыл о своих столетиях. Я моложе тебя, хотя голос твой – голос ребенка.

Девочка. Полезай скорей сюда, а то сейчас придут римляне и съедят тебя.

Цезарь (*бежит, оглянув плечо Сфинкса, и видит девочку*). Дитя у него на груди! Божественное дитя!

Девочка. Полезай скорей. Ты взберись по его боку, а потом ползи кругом.

Цезарь (*изумленный*). Кто ты?

Девочка. Я Клеопатра, царица Египта.

Цезарь. Цыганская царица, ты хочешь сказать?

Клеопатра. Ты не должен так непочтительно говорить со мной, а то Сфинкс отдаст тебя римлянам, и они съедят тебя. Лезь сюда. Здесь очень уютно.

Цезарь (*про себя*). Какой сон, какой дивный сон! Только бы не проснуться. Я готов завоевать десять материков, чтобы доглядеть его до конца. (*Он карабкается по туловищу Сфинкса и, обогнув правое плечо, появляется на пьедестале.*)

Клеопатра. Осторожней! Вот так. Теперь садись. Вот тебе другая его лапа. (*Усаживается поудобней на левой лапе Сфинкса.*) Он очень могущественный и защитит нас. Только... (*дрогнувшим, жалобным голосом*) он не обращает на меня никакого внимания и ничего мне не рассказывает. Я очень рада, что ты пришел: мне было так скучно. А ты нигде здесь не видел Белого Кота?

Цезарь (*усаживается на правую лапу; в крайнем удивлении*). Ты, значит, потеряла кошку?

Клеопатра. Да, священного Белого Кота. Подумай, какой ужас! Я несла его сюда, я хотела принести его в жертву Сфинксу, но только что мы отошли от города, его позвала черная кошка, и он вырвался у меня из рук и убежал. А как ты думаешь, может быть, эта черная кошка и есть моя прапрапрабабушка?

Цезарь (*не сводя с нее изумленных глаз*). Твоя прапрапрабабушка? Возможно. В эту дико-винную ночь я ничему не удивлюсь.

Клеопатра. Да, я тоже так думаю. Прабабушка моей прабабушки была черной кошкой от священного Белого Кота, а Нил сделал ее своей седьмой женой. Вот потому у меня такие волнистые волосы. И мне всегда хочется все делать по-своему – все равно, хотят этого боги или нет. Потому что моя кровь – это воды Нила.

Цезарь. А что ты тут делаешь так поздно? Ты живешь здесь?

Клеопатра. Ну конечно нет. Я – царица. Я буду жить во дворце в Александрии, когда убью своего брата, который меня прогнал оттуда. Когда я стану совсем большая, я буду делать все, что хочу. Я буду кормить ядом моих рабов и буду смотреть, как они корчатся. А Фтататиту я буду пугать, что ее посадят в огненную печь.

Цезарь. Гм... Ну а сейчас почему ты не дома, не в своей постели?

Клеопатра. Потому что сюда идут римляне, и они нас всех съедят. Ты ведь тоже не дома и не в постели.

Цезарь (*с убеждением*). Нет, я дома. Мой дом – палатка. И я сейчас крепко сплю в своей палатке и вижу сон. Неужели ты думаешь, что ты существуешь на самом деле, ты, сонное наваждение, маленькая немислимая колдунья?

Клеопатра (*хихикая, доверчиво прижимается к нему*). Ты смешной милый старичок! Ты мне очень нравишься.

Цезарь. Ах, ты мне портишь сон. Почему тебе не снится, что я молодой?

Клеопатра. Я была бы очень рада, если бы ты был молодой. Только тогда я бы тебя, наверно, боялась. Мне нравятся юноши, у которых круглые, сильные руки. Но я боюсь их. А ты старый, худой и жилистый. Но у тебя приятный голос; и я рада, что есть с кем поболтать,

хотя ты, наверно, немножко сумасшедший. Должно быть, это луна на тебя действует, что ты так глупо разговариваешь сам с собой.

Цезарь. Как? Ты слышала? Я возносил мольбы великому Сфинксу.

Клеопатра. Да это вовсе не великий Сфинкс.

Цезарь (*в крайнем озорчении смотрит на истукана*). Что?

Клеопатра. Это милый, малюсенький, крохотный Сфинксик. Что ты! Великий Сфинкс – он до того большой, что у него целый храм стоит между лапами. А это мой дорогой Сфинксик. А скажи, как ты думаешь, у римлян есть такие колдуны, которые могут нас колдовством унести отсюда?

Цезарь. Что? Неужели ты боишься римлян?

Клеопатра (*совершенно серьезно*). Ох, они нас съедят, если только поймают. Они – варвары. Их вождя зовут Юлий Цезарь. У него отец – Тигр, а мать – Пылающая Гора. А нос у него, как хобот у слона.

Цезарь невольно трогает себя за нос.

У них у всех длинные носы, клыки слоновьи и маленькие хвостики. И семь рук, и по сотне стрел в каждой; а едят они человечину.

Цезарь. Хочешь, я покажу тебе настоящего римлянина?

Клеопатра (*испуганно*). Нет, не пугай меня.

Цезарь. Не все ли равно, ведь это только сон...

Клеопатра (*нетерпеливо*). Нет, не сон, нет, не сон. Вот смотри. (*Вытаскивает иголку из волос и колет его несколько раз в руку.*)

Цезарь. Ай! Перестань! (*Гневно.*) Да как ты смеешь?

Клеопатра (*оробев*). Ты ведь говорил, что ты спишь. (*Чуть не плача.*) Я только хотела доказать тебе...

Цезарь (*ласково*). Ну полно, полно, не плачь. Царицам нельзя плакать. (*Он потирает укулотую руку и удивляется совершенно реальному ощущению боли.*) Что это, правда, наяву? (*Он ударяет рукой по истукану, чтобы проверить себя. И ощущение оказывается настолько реальным, что он сбит с толку и растерянно бормочет.*) Да я... (*В совершенном ужасе.*) Нет, невысказано. Безумие, безумие! (*Вне себя.*) Скорее в лагерь, в лагерь! (*Вскакивает и собирается прыгнуть на землю.*)

Клеопатра (*в страхе цепляется за него и не пускает*). Нет, не оставляй меня! Нет, нет, нет, не уходи! Мне страшно, я боюсь римлян.

Цезарь (*волей-неволей убеждаясь, что он действительно не спит*). Клеопатра, ты хорошо видишь мое лицо?

Клеопатра. Да. Оно такое белое в лунном свете.

Цезарь. Ты уверена, что это только от луны оно кажется белее лица египтянина? (*Зловеще.*) Ты не находишь, что у меня очень длинный нос?

Клеопатра (*отшатываясь от него и замирая в ужасе*). Ой!

Цезарь. Это римский нос, Клеопатра.

Клеопатра. Ах! (*С пронзительным криком вскакивает и, юркнув за левое плечо Сфинкса, прыгает на песок и, упав на колени, вопит и взывает к Сфинксу.*) Раскуси его пополам, Сфинкс! Раскуси его пополам! Я хотела принести тебе в жертву Белого Кота – правда, я несла его тебе!

Цезарь спускается с пьедестала, трогает ее за плечо.

Ах! (*Съезживается и прячет лицо.*)

Цезарь. Клеопатра, хочешь, я научу тебя, что надо сделать, чтобы Цезарь не съел тебя?

Клеопатра (*умоляюще жмет к нему*). Ах, научи, научи. Я украду драгоценности у Фататиты и подарю тебе. Я повелю Нилу питать твои поля дважды в год.

Цезарь. Успокойся, успокойся, малютка! Твои боги трепещут перед римлянами. Ты видишь, Сфинкс не смеет укусить меня. И если я захочу отдать тебя Юлию Цезарю, он не посмеет помешать мне.

Клеопатра (*жалобно уговаривая его*). Нет, ты не отдашь, ты не отдашь, ты сам сказал, что не отдашь.

Цезарь. Цезарь не ест женщин.

Клеопатра (*вскакивает, оживая надеждой*). Что?

Цезарь (*внушительно*). Но он ест девочек (*она снова цепенеет*) и кошек. Ты глупенькая маленькая девочка, и ты родилась от черной кошки. Значит, ты и девочка и кошка.

Клеопатра (*дрожжа*). И он съест меня?

Цезарь. Да-а, если только ты не заставишь его поверить, что ты женщина.

Клеопатра. Так найди же волшебника, который сделает из меня женщину. Может быть, ты сам волшебник?

Цезарь. Возможно. Но на это потребуется много времени; а тебе в эту же ночь предстоит встретиться лицом к лицу с Цезарем во дворце твоих предков.

Клеопатра. Нет, нет! Ни за что!

Цезарь. Как бы сердце твое ни трепетало от ужаса, как бы ни был для тебя страшен Цезарь, ты должна встретить его как мужественная женщина и великая царица: он не должен видеть, что ты боишься. Если твоя рука дрогнет или голос прервется, тогда – мрак и смерть.

Клеопатра стонет.

Но если он найдет тебя достойной царствовать, он посадит тебя на трон рядом с собой и сделает тебя истинной владычицей Египта.

Клеопатра (*в отчаянии*). Нет, он догадается, он увидит.

Цезарь (*с некоторой грустью*). Женщины легко обманывают его. Их глаза ослепляют его. Он видит их не такими, какие они есть, а такими, какими ему хочется их видеть.

Клеопатра (*с надеждой в голосе*). Так мы обманем его. Я надену наколку Фтататиты, и он примет меня за старуху.

Цезарь. Если ты сделаешь это – знай, он проглотит тебя одним глотком.

Клеопатра. А я сделаю ему сладкий пирог с моим волшебным опалом, а в тесте запекать семь волосков Белого Кота. И еще...

Цезарь (*прерывает ее*). Фу, какая ты дурочка! Он съест твой сладкий пирог, да и тебя вместе с ним. (*С презрением поворачивается и отходит.*)

Клеопатра (*бежит за ним и цепляется за него*). Ах нет! Ну пожалуйста, пожалуйста! Я сделаю все, что ты велишь. Я буду слушаться. Я буду твоя рабыня.

Снова из пустыни доносится мощный рев, теперь уже совсем близко. Это букцина – римский военный рог.

Цезарь. Слышишь?

Клеопатра (*дрожжа*). Что такое?

Цезарь. Это голос Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за руку*). Так давай убежим. Идем, идем скорей.

Цезарь. Со мной тебе ничего не грозит, пока ты не взойдешь на трон, дабы принять Цезаря. Веди меня туда.

Клеопатра (*радуясь, что можно уйти*). Хорошо, хорошо.

Снова слышен рог.

Идем же скорей, идем, идем! Боги гnevаются. Слышишь, как дрожит земля?

Цезарь. Это поступь легионов Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за собой*). Вот сюда, да скорей же! И давай посмотрим, нет ли где здесь Белого Кота. Это он превратил тебя в римлянина.

Цезарь. Неисправима, совершенно неисправима! Ну идем! (*Он следует за ней.*)

Рев букцины становится все громче, по мере того как они, крадучись, пробираются по пустыне. Лунный свет гаснет, горизонт снова зияет черной мглой, в которой причудливо выступает громада Сфинкса. Небо исчезает в беспросветной мгле. Затем в тусклом свете отдаленного факела взору открываются высокие египетские колонны, поддерживающие свод величественной галереи. В глубине ее раб-нубиец несет факел. Цезарь следует за Клеопатрой, они идут за рабом. Проходя колоннадой, Цезарь с любопытством рассматривает незнакомую архитектуру и выступающие из мрака между колоннами, в свете бегущего факела, фигуры крылатых людей с соколиными головами и громадных черных мраморных котов, которые вдруг словно выскакивают из засады и так же внезапно прячутся. Галерея поворачивает за угол и образует просторный неф, где Цезарь видит направо от себя трон и за ним дверь. По обе стороны трона возвышаются стройные колонны, и на каждой из них светильник.

Цезарь. Что это такое?

Клеопатра. Здесь я сижу на троне, когда мне позволяют надевать мою корону и порфиру.

Раб поднимает факел и освещает трон.

Цезарь. Прикажи рабу зажечь светильники.

Клеопатра (*смущенно*). Ты думаешь, можно?

Цезарь. Конечно. Ты – царица.

Она не решается.

Ну, что же ты?

Клеопатра (*несмело рабу*). Зажги все светильники.

Фтататита (*внезапно появляется позади трона*). Остановись, раб!

Раб останавливается. Фтататита строго обращается к Клеопатре, которая струсила, как напроказивший ребенок.

Кто это с тобой? И как ты осмелилась распорядиться зажечь светильники без моего разрешения?

Клеопатра от страха не может вымолвить ни слова.

Цезарь. Кто это?

Клеопатра. Фтататита.

Фтататита (*высокомерно*). Главная няня цари...

Цезарь (*обрывая ее*). Я говорю с царицей. Молчи! (*Клеопатре.*) Так-то твои слуги знают свое место? Отошли ее. А ты (*обращаясь к рабу*) делай так, как тебе приказала царица.

Раб зажигает светильники. Клеопатра стоит и ежится, боясь Фтататиты.

Ты – царица; отошли ее.

Клеопатра (*заискивающе*). Фтататита, милочка, пожалуйста, уйди – ну на минутку.

Цезарь. Ты не приказываешь, ты просишь. Ты не царица. Тебя съедят. Прощай. (*Он делает движение уйти.*)

Клеопатра (*хватается за него*). Нет, нет, нет! Не оставляй меня!

Цезарь. Римлянам нечего делать с царицами, которые боятся своих рабов.

Клеопатра. Я не боюсь. Правда же, я не боюсь.

Фтататита. Посмотрим, кто здесь боится! (*Угрожающе.*) Клеопатра...

Цезарь. На колени, женщина! Или ты думаешь, и я дитя, что ты осмеливаешься шутить со мной? (*Показывает ей на пол у ног Клеопатры.*)

Фтататита, наполовину укрошенная, но вместе с тем взбешенная, медлит. Цезарь окликает нубийца.

Раб!

Нубиец подходит.

Ты сумеешь отсечь голову?

Нубиец кивает и осторожно ухмыляется, показывая все зубы.

(*Цезарь берет меч в ножнах и подает его рукоятью вперед нубийцу, потом поворачивается к Фтататите и снова указывает на пол.*) Ты опомнилась, женщина?

Фтататита, уничтоженная, падает на колени перед Клеопатрой, которая не верит своим глазам.

Фтататита (*хрипло*). О царица, не забудь слугу твою в день твоего величия! Клеопатра (*вне себя от возбуждения*). Прочь! Поди прочь! Вон отсюда!

Фтататита поднимается и с опущенной головой пятится к двери.

(*Клеопатра, восхищенная этой покорностью, чуть не хлопает в ладоши, руки у нее дрожат. Внезапно она кричит.*) Дайте мне что-нибудь, я отхлещу ее. (*Хватает с трона змеиную кожу и, размахивая ею, как бичом, бросается за Фтататитой.*)

Цезарь мгновенно, одним прыжком, оказывается около Клеопатры и удерживает ее, пока Фтататита не исчезает.

Цезарь. Вот как? Ты царапаешься, котенок?

Клеопатра (*вырываясь*). Я хочу побить кого-нибудь. Я побью его. (*Бросается на раба.*) Вот! вот! вот!

Раб опрометью бежит по галерее и скрывается.

(*Клеопатра бросает змеиную кожу на ступеньки трона и, размахивая руками, кричит.*) Вот теперь я настоящая царица! Настоящая царица – царица Клеопатра!

Цезарь с сомнением покачивает головой: преимущество этого превращения кажется ему сомнительным, когда он взвешивает его с точки зрения общественного блага Египта.

(*Она поворачивается и смотрит на Цезаря сияя, потом соскакивает с трона, подбегает к нему, вне себя от радости бросается к нему на шею и кричит.*) О, как я люблю тебя за то, что ты сделал меня царицей!

Цезарь. Царицам надлежит любить только царей.

Клеопатра. Все, кого я люблю, будут у меня царями. Я тебя сделаю царем. У меня будет много молодых царей с круглыми, сильными руками. А когда они наскучат мне, я их запорю до смерти. Но ты всегда будешь моим царем. Моим милым, добрым, умным, хорошим, любимым старым царем.

Цезарь. О мои морщины, мои морщины! И мое детское сердце! Ты будешь самой опасной из побед Цезаря.

Клеопатра (*опомнившись, в ужасе*). Цезарь! Я забыла про Цезаря! (*В смятении.*) Ты скажешь ему, что я царица? Что я настоящая царица! Послушай (*ластясь к нему*), давай убежим и спрячемся, пока Цезарь не уйдет?

Цезарь. Если ты боишься Цезаря, ты не настоящая царица. И хотя бы ты спряталась под пирамидой, он подойдет и поднимет ее одной рукой. И тогда... (*Щелкает зубами.*)

Клеопатра (*дрожит*). Ой!

Цезарь. Посмей только испугаться!

Вдалеке снова раздается рев букцины. Клеопатра стонет от страха.

Ага! Цезарь идет к трону Клеопатры. Ступай сядь на свое место. (*Он берет ее за руку и ведет к трону. Она так перепугана, что не может выговорить ни слова.*) Эй, Титатота! Как ты зовешь своих рабов?

Клеопатра (*безжизненно опускается на трон, съезживается и дрожит*). Хлопни в ладоши.

Цезарь хлопает в ладоши. Входит Фтататита.

Цезарь. Принеси одеяния царицы и ее корону. Позови служанок и обряди ее.

Клеопатра (*оживляясь и немного приходя в себя*). Да, корону, Фтататита! Я надену корону.

Фтататита. Для кого должна царица облечься в свои царские одежды?

Цезарь. Для римского гражданина, для царя царей, Тотатита.

Клеопатра (*топая ногой*). Как ты смеешь спрашивать? Иди и делай, что тебе приказано.

Фтататита уходит, угрюмо улыбаясь.

(*Клеопатра нетерпеливо, Цезарю.*) Цезарь узнает, что я царица, когда увидит мою корону и одеяние, правда?

Цезарь. Нет, откуда узнает он, что ты не рабыня, надевшая царское одеяние?

Клеопатра. Ты скажешь ему.

Цезарь. Он не станет меня спрашивать. Он узнает Клеопатру по ее мужеству, ее величию и красоте.

Клеопатра смотрит на него с крайним сомнением.

Ты дрожишь?

Клеопатра (*трясаясь от страха*). Нет... я... я... (*совершенно угасшим голосом*) нет.

Фтататита и три женщины входят с царским одеянием.

Фтататита. Из всех приближенных женщин царицы остались только трое. Остальные бежали.

Они начинают одевать Клеопатру, которая подчиняется им, бледная, безжизненная.

Цезарь. Ничего, ничего. Достаточно и троих. Бедному Цезарю обычно приходится одеваться самому.

Фтататита (*презрительно*). Царицу Египта как сравнить с римским варваром! (*Клеопатре.*) Будь смелей, дитя мое! Выше голову перед этим чужеземцем.

Цезарь (*любясь Клеопатрой, возлагает ей корону на голову*). Ну как? Сладко ли быть царицей, Клеопатра?

Клеопатра. Не сладко.

Цезарь. Подави свой страх – и ты завоюешь Цезаря. Близко ли римляне, Тота?

Фтататита. Они на пороге, а стража разбежалась.

Женщины (*горестно стонут*). О горе нам, горе!

По галерее бежит нубиец.

Нубиец. Римляне в ограде! (*Одним прыжком исчезает за дверью.*)

Женщины с воплями бросаются за ним. Фтататита смотрит со злобной решимостью. Она не двигается с места. Клеопатра еле удерживается, чтобы не броситься вслед за служанками. Цезарь держит ее за руку и сурово смотрит на нее, не сводя глаз. Она стоит, как мученица, обреченная на казнь.

Цезарь. Царица должна одна встретить Цезаря. Скажи: да будет так.

Клеопатра (*белая как полотно*). Да будет так!

Цезарь (*отпускающая ее*). Хорошо.

Слышен шум и тяжелый шаг вооруженных воинов. Ужас Клеопатры усиливается. Рев букцины раздается совсем рядом. Его подхватывает оглушительная фанфара труб. Это свыше сил Клеопатры, она издает вопль и бросается к двери. Фтататита безжалостно останавливает ее.

Фтататита. Я вынянчила тебя. Сейчас ты сказала: «Да будет так!» И если бы даже тебе пришлось умереть, ты должна сдержать слово царицы. (*Она подводит Клеопатру к Цезарю, и он ведет ее, еле живую от страха, к трону.*)

Цезарь. Теперь, если ты дрогнешь... (*Садится на трон.*)

Клеопатра стоит на ступеньках почти без чувств, приготовившись к смерти. Римские солдаты с грохотом идут по галерее. Впереди знаменосец с римским орлом, за ним трубач с букциной – рослый воин с рогом, обвивающимся вокруг его тела; медный раструб изображает воющую волчицу. Дойдя до нефа, они с изумлением глядят на трон; потом выстраиваются перед троном, выхватывают мечи и, потрясая ими в воздухе, кричат: «Слава Цезарю!» Клеопатра оборачивается и бессмысленно смотрит на Цезаря. Внезапно истина доходит до ее сознания, и она с воплем облегчения, рыдая, падает в его объятия.

Действие второе

Александрия. Зал в нижнем этаже дворца, переходящий в лоджию, куда ведут две ступени. Через арки лоджии видно, как сверкают в утреннем солнце волны Средиземного моря. Высокие светлые стены покрыты фресками, представляющими процессию египетских царей, изображенных в профиль, в виде плоского орнамента; отсутствие зеркал, искусственных перспектив, мягкой мебели и тканей делает это место красивым, простым, здоровым, прохладным или, как сказал бы богатый английский фабрикант, – бедным, голым, нелепым и неудобным, ибо цивилизация Тоттенхэм-Корт-Род по отношению к египетской цивилизации все равно что стеклянные бусы и татуировка по отношению к цивилизации Тоттенхэм-Корт-Род.

Юный царь Птолемей-Дионис (десятилетний мальчик), которого ведет за руку его опекун Потин, сходит со ступеней лоджии. Двор собрался на царский прием. Придворные – мужчины и женщины разных племен и разного цвета кожи, но большей частью египтяне; некоторые из них значительно светлее – жители Нижнего Египта, другие, более смуглые – уроженцы Верхнего Египта; среди них несколько греков и евреев. В группе по правую руку Птолемея выделяется наставник Птолемея – Теодот; группу по левую руку Птолемея возглавляет Ахилл – военачальник Птолемея. Теодот – маленький, высохший старичок, с таким же высохшим и сморщенным лицом, на котором, господствуя над остальными чертами, выделяется высокий прямой лоб; он смотрит с пронизательностью и глубокомыслием сороки и слушает то, что говорят другие, с придиричивой саркастичностью философа, внимающего ораторским упражнениям своих учеников. Ахилл – высокий красивый человек лет тридцати пяти, с роскошной черной бородой, курчавящейся, словно шерсть пуделя; умом не блещет, но вид имеет внушительный и не роняет своего достоинства. Потин – крепкий мужчина, примерно лет пятидесяти, евнух; пылкий, энергичный, находчивый, умом и характером не отличается, нетерпелив и не умеет владеть собой; у него пушистые волосы, похожие на мех. Царь Птолемей на вид гораздо старше, чем английский мальчик тех же лет, но держится ребячливо, привык к тому, чтобы его водили на помочах, беспощаден и раздражителен и, подобно всем возвращенным при дворе принцам, выглядит чересчур тщательно умытым, одетым и причесанным.

Царя встречают церемониальными поклонами, он сходит со ступенек к тронному креслу, которое стоит направо от него, – это единственное сиденье во всем зале. Подойдя к креслу, он растерянно поглядывает на Потина, который становится по левую его руку.

Потин. Царь Египта скажет свое слово.

Теодот (*пискливый голосом, который звучит внушительно только благодаря его само-мнению*). Внемлите слову царя!

Птолемей (*без всякого выражения; он, по-видимому, повторяет затверженный урок*). Узнайте, все вы. Я – перворожденный сын Авлета, Певучей Флейты, который был вашим царем. Моя сестра Береника свергла его с трона и завладела его царством, но... но... (*Он заикается и смолкает.*)

Потин (*тихонько подсказывает*). Но боги не потерпели...

Птолемей. Да, боги не потерпели, не потерпели... (*Останавливается и совершенно убитым голосом.*) Я забыл, чего боги не потерпели...

Теодот. Пусть Потин, опекун царя, скажет слово царя.

Потин (*с трудом подавляя раздражение*). Царь хотел сказать, что боги не потерпели, чтобы беззаконие сестры его осталось безнаказанным.

Птолемей (*поспешно*). Да, да, дальше я помню. (*Он снова начинает тем же монотонным голосом.*) И вот боги послали чужеземца Марка Антония, римского начальника всадников, через пески пустынь, и он вернул трон отцу моему. И отец мой взял сестру мою Беренику и отсек ей голову. И ныне, после кончины отца моего, другая дочь его, сестра моя Клеопатра, похитила у меня царство мое и хочет завладеть моим тронном. Но боги не потерпят...

Потин предостерегающе покашливает.

Боги... боги... не потерпят...

Потин (*подсказывает*). Не допустят...

Птолемей. Ах да... не допустят сего беззакония, они предадут ее голову секире, как предали голову сестры ее. Но с помощью колдуньи Фтататиты она заморозила римлянина Юлия Цезаря и заставила его поддержать ее незаконные притязания на египетское царство. Узнайте теперь, что я не потерплю... Я не потерплю... (*Капризно, Потину.*) Чего я не потерплю?

Потин (*выведенный из себя, со всем пылом страстно негодующего политика*). Царь не потерпит, чтобы чужеземец похитил у него трон нашего египетского царства. (*Возгласы одобрения.*) Скажи царю, Ахилл, сколько воинов и всадников у этого римлянина?

Теодот. Военачальник царя скажет слово.

Ахилл. Всего два римских легиона, о царь! Три тысячи солдат и едва ли тысяча всадников.

Двор раздражается презрительным смехом, начинается оживленная болтовня; в это время в лоджии появляется римский офицер Руфий. Это рослый, сильный чернобородый человек средних лет, с маленькими светлыми глазами, решительный и грубый; у него толстые нос и щеки, но сам он весь словно выкован из железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.